

# Стоит ли умирать за Львов?

*Роберт Потоцкий*

*Доктор наук, преподаватель Университета, директор Центра стратегических исследований Европейского центра геополитического анализа, главный редактор ежегодного издания „Studia Geopolitica» (Польша).*

*Марцин Домагала*

*Председатель Европейского центра геополитического анализа, главный редактор портала о геополитике Geopolityka.org (Польша).*

По поводу исторических беспорядков на современной Украине время от времени всплывают разные проекты территориального распада и этнокультурного ревизионизма в отношении этой страны. Главным аргументом в поддержку этих идей является диапазон исторического влияния народного движения и украинские национальные особенности — искусственный характер границ, сформированный в основном внешними факторами, значительная доля русскоязычного населения и «местные» геополитические условия, а также цикличная системная нестабильность (например, в первой декаде XXI века — «Оранжевая революция» 2004 года, «синяя контрреволюция» 2007). Так же было и во время протестов, которые назвали Евромайданом. Наиболее далеко идущим проектом здесь была концепция Сергея Глазьева, который предложил федерализацию государства и раздел влияния между ЕС и Россией, обусловленный исторически, социально, культурно и экономически. В Польше идеи такого рода вызвали интерес со стороны СМИ, что привело к их обсуждению в социальных сетях. Несколько иную реакцию вызвали выступления активиста необандеровского Правого Сектора, который предъявил территориальные претензии к Польше по отношению к так называемому Закарзонью (южной части «восточной стены»<sup>1</sup>). Резонанс был двух видов: либо старались дискредитировать мнение как несущественное, поскольку украинцы борются за свободу и демократию, либо по принципу «обратной пропорциональности» выдвигался тезис о возвращении Львова «к матрице».

<sup>1</sup> «Восточная стена» — так в польском медиа-дискурсе называют территорию всей восточной Польши от Варминско-мазурского воеводства на северо-востоке, включая Подляское воеводство, восточную часть Мазовецкого, Любельского воеводства и до Подкарпатского на юго-востоке.

## Предостережения Клио

С исторической точки зрения следует отметить, что современная принадлежность Львова не была решена ни польско-украинским соперничеством, ни двухсторонним политическим решением. Сперва она была следствием пакта Молотова-Риббентропа (1939 г.), затем — ялтинско-постдамского договора (1945 г.), где внешние центры силы сами развязали этот исторический спор. Однако цена, какую пришлось за это платить, была непропорциональна. Для Польши это означало не только «сдвиг на Запад», но и массовые выселки, депортацию и деградацию целых местных общин. Во Львове за несколько месяцев 1945 г. была проведена деполонизация города, носившая гордый латинский девиз на гербе *Semper Fidelis*, а также (не без причин) высшую польскую боевую награду — Крест *Virtuti Militari*. Планировалось не только провести этно-культурные перемены, но и уничтожить все историческое наследие. Но и украинизация — теперь уже Львів'а — имела свою цену: появление советской власти, попытки русификации и бесконтрольный приток сельского населения. Стечение тех обстоятельств и простая бесхозяйственность в итоге привели к полному упадку города по сравнению с его довоенным положением. Парадокс заключается в том, что судьба этого города стала символом истории Польши и Украины. В Польше его история была обречена на забвение, а его бывшие жители — на нищету и тоску по любимой Аркадии. В свою очередь, для украинцев этот «подарок» еще больше связал республику с центром советского государства. Вся логика этих геополитических ходов привела к ссоре между двумя соседними народами, когда Москва одарила одних за счет других — в результате чего гнев обделенных обратился против «невольных племянничков». Правда заключается в том, что поляки на протяжении десятилетий не смогли смириться с «историческим решением» и принять факт принадлежности древнего Львова к Украине, в душе надеясь, что при последующем изменении сил в Европе им удастся вернуть этот город. Именно поэтому на протяжении долгих лет просто не существовало польско-украинского диалога. Даже по поводу эмиграции государственные силы не смогли договориться, поскольку власти Польской Республики в Лондоне добивались подтверждения границы, установленной договором Пилсудского-Петлюры (1920 г.) и мирным договором в Риге (1921 г.), постольку государственный центр Украинской Народной республики (1920-1992 гг.) был готов признать — также из опасений эмиграции с западной части страны — территориальные изменения 1945 г.<sup>1</sup> Голоса разума, которые призывали к компромиссу во имя высших ценностей, в годы Холодной войны были славным исключением. Поэтому важно хотя бы восстановить в памяти разговор между генералами Владиславом Андерсом и Павлом Шандруком (тог-

<sup>1</sup> K. Tarka, *Trudny dialog. Rząd RP na uchodźstwie i Ukraińcy (1945-1990)*, „Zeszyty Historyczne» 2002, z. 139, s. 82-98.

дашним главой генштаба украинской армии, бывшим подполковником войска польского, кавалером ордена *Virtuti Militari* за кампанию 1939 г., а также командующим УНА в 1945 г.), который имел место в Нью-Йорке 2 октября 1950 г. в гостинице Вальдорф-Астория. Согласно записи, сделанной Клавдиушем Храбуком: «Что до спорных вопросов, то генерал Шандрук считает, что следовало бы их выдвинуть в публичных выступлениях с обеих сторон. Не считает львовский вопрос фундаментальным препятствием для согласия и припоминает слова одного из видных украинцев из Галиции, что хотя украинцы в массе добиваются Львова, но каждый из них по отдельности не считает этот вопрос первостепенным. В будущем следовало бы урегулировать этот вопрос, если Львов, по мнению генерала Шандрука, как польский, так и украинский»<sup>1</sup>. В конце концов, только в договоре Рачинского-Ливица от 28 ноября 1979 г. удалось прийти к совместной записи, которая не обошла территориальный спор и предполагала развязывание этого вопроса суверенными Польшей и Украиной после падения советской империи.<sup>2</sup>

Хотя среда парижской «Культуры» вопрос принадлежности Львова независимой Польше пересмотрела уже в 1952 г. благодаря инициативе Юзефа Маевского, в последующей четверти эта позиция была неоднократно трактована «непримиримой» эмиграцией как «предательство национальных интересов»<sup>3</sup>. Тем не менее, остается фактом, что разработанная этой группой доктрина Гедройца-Мерошевского повлияла на положение мировоззрения в стране. Например, одна из первых антикоммунистических группировок в ПНР — Польское соглашение сторонников независимости — во имя политического реализма признала изменение границы 1945 г. постоянным<sup>4</sup>. В итоге этот вопрос разрешил Договор между Польской республикой и Украиной о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 18 мая 1992 г., где мы можем прочесть: «Стороны признают неприкосновенной существующую границу между ними и подтверждают, что не имеют в отношении друг друга никаких территориальных претензий и будут иметь в будущем (ст.2)»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> J. Cisek, Próby nawiązania kontaktów polsko-ukraińskich na emigracji. Inicjatywa gen. Władysława Andersa z 1950 roku, [w:] *Idea Europy i Polska w XIX-XX wieku. Księga ofiarowana dr. Adolfowi Juzwence, dyrektorowi Zakładu narodowego im. Ossolińskich z okazji 60-lecia urodzin, Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, Wrocław 1999*, s. 203.

<sup>2</sup> Декларация польско-українська, „Rzeczpospolita Polska», Londyn 1980, nr 1, s. 3

<sup>3</sup> J. Majewski, List do Redakcji „Kultury», [w:] *Nie jesteśmy ukrainofilami. Polska myśl polityczna wobec Ukraińców i Ukrainy. Antologia tekstów*, red. P. Kowal i in., Kolegium Europy Wschodniej, Wrocław 2002, s. 293-294.

<sup>4</sup> Polska — Ukraina, [w:] *Ibidem*, s. 350-352.

<sup>5</sup> Por. Traktat między Rzeczpospolitą Polską a Ukrainą o dobrym sąsiedztwie, przyjaznych stosunkach i współpracy, sporządzony w Warszawie dnia 18 maja 1992 r., [w:] *Dziennik Ustaw 1993 nr 125 poz. 573* <<http://dziennikustaw.gov.pl/DU/1993/s/125/573/1>> (25 II 2014).

## Современность

Тем не менее, вопрос возвращения Львова по-прежнему появлялся на периферии польского политического дискурса, вызывая скорее любопытство, нежели толкуясь как территориальный ревизионизм. И так, согласно непроверенным словам Доры Качнельсон — польской еврейки, которая большую часть жизни провела в СССР и работала вместе с Михаилом Горбачевым — в 1989-1990 гг., в момент распада империи, существовала возможность возвращения Польше не только Львова, но также и большей части довоенной Восточной Малопольши. «Говорила мне [...], -сообщает Ян Чеханович, — что перед провозглашением независимости украинцы были готовы идти на очень большие уступки. Если бы Москва обещала им независимость в обмен на отдачу Львова, наверняка согласились бы<sup>1</sup> [... ]».

А во время Евромайдана с требованием пересмотра границ выступил известный польский журналист, проживающий в США, Мариуш Макс Колонко. Его отправной точкой для рассмотрения этого вопроса было предположение, что Украина не является состоявшимся государством, и уже давно перешла в сферу влияния России. В этой ситуации он предложил начать акцию колонизации в старых Южно-Восточных Кресах, используя для этого карту поляка. Этот план мог бы осуществиться в четыре этапа: 1) пробуждение польского духа среди жителей западных областей Украины; 2) создание подходящего политического климата; 3) поощрение социального недовольства; 4) начало соответствующей экономической поддержки<sup>2</sup>. «Предложение Колонко, — комментирует один из наиболее читаемых польских блогеров Михал Гонсер, — не пользуется большим успехом. «Улетел» — этим словом можно обобщить большинство комментариев. Точно таким же тоном его тезисы комментируют те, кто в вопросе Кресов разбирается. Как говорят, это обычная фантазия, которая мылит глаза пользователям Интернета, а воплощенная в жизнь она была бы крайне опасной. Сегодня это вопрос скорее сатирика, нежели историка. Может, еще присоединить и Киев? Этой темы не существует, а те, кто об этом говорят, не имеют никакого веса<sup>3</sup> [...]».

Что так же удивительно — голоса, требующие вернуть Львов Польше, можно услышать и на современной Украине. В 2011 г. депутат из Партии Регионов, член комиссии по культуре Юрий Болдырев отметил: «У нас не будет будущего, если не сможем разобраться с последствиями пакта Молотова-Риббентропа. Удержание в одних границах Галиции и Донбасса или Крыма возможно только при

<sup>1</sup> . Różycki, *Rozmowa z dr. Janem Ciechanowiczem*, <<http://WWW.trybunalscy.pl/node/2272>> (23 II 2014).

<sup>2</sup> M. Kolonko, *Rewizja granic jest możliwa*, <<http://www.youtube.com/user/Media2000Corp?feature=watch>> (12 I 2014).

<sup>3</sup> M. Gašior, *Max Kolonko wzywa do rewizji granic — chce przyłączyć do Polski Lwów i Wilno. „Niech nie budzi demonów”*, <<http://www.natemat.pl/85117,max-kolonko-wzywa-do-rewizji-granic-chce-przylaczyzyc-do-polski-lwow-i-wilno-niech-nie-budzi-demonow.html>> (25 II 2014).

применении силы [...]. Мы должны избавиться от Галиции[...]». Годом ранее он выражался еще более четко: «Имея в своих границах Галицию, которая до 1939 г. принадлежала Польше, Украина никогда не сможет перебороть перманентный кризис и стать полноценным государством<sup>1</sup>». Подобными решительными высказываниями был известен и министр образования и науки из правительства Николая Азарова (2010-2013 гг.), свергнутый «еврореволюцией» Дмитрий Табачник. Бывший глава канцелярии президента Леонида Кучмы и двукратный вице-премьер в правительстве Виктора Януковича прославился утверждением, что жители Галиции не имеют ничего общего с Украиной, а область между Бугом и Збручем — это пещерный заповедник национализма. В такой ситуации проблемы с Галицией могли бы решиться через ее вхождение в состав Польши<sup>2</sup>.

Если приведенные выше польские мнения о пересмотре территории существуют на периферии политической жизни и трактуются лишь как «исторический музейный экспонат», то подобные украинские настроения уже становятся мейнстримом и являются своего рода выражением фрустрации по отношению к этническому национализму. Представители Партии Регионов, однако, совсем не придерживаются пропольской ориентации, но их позиция есть следствие евразийской ориентации — ее основным посланием является связывание современной Украины с Россией, с которой ее объединяют исторические, экономические, языковые, религиозные и цивилизационные узы. А поскольку Галиция как оплот нынешнего народного движения не позволяет проводить политику многовекторности (балансирования), то самым простым решением кажется отказ от нее. Однако международная политика не терпит порожних решений, в ситуации, когда «западноукраинское государство» не было бы способно к самостоятельному существованию, самым легким решением кажется отход от концепции соборности (единения) и аннулирование договора от 23 августа 1939 г<sup>3</sup>. Тогда это решение выглядит теоретически простым — Польша забирает Галицию вместе со всеми «благами инвентаризации»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> T. Serwetnyk, *Posel Partii Regionów: oderwać Lwów od Ukrainy*, <<http://www.rp.pl/artykul/40,761-085-Posel-Partii-Reionow--oderwac-Lwow-od-Ukrainy.ktml>> (24 II 2014).

<sup>2</sup> Ibidem.

<sup>3</sup> J. Malicki, *Każda wersja rozpadu Ukrainy niekorzystna dla Polski*, „Do Rzeczy” 24 II — 2 III 2014, nr 9, s. 30-31; P. Skwierciński, *Podział Ukrainy: rozwiązanie prawie najgorsze*, „W Sieci” 24 II — 2 III 2014, nr 9, s. 30-32.

<sup>4</sup> T. Stryjek, *Jakiej przeszłości potrzebuje przyszłość? Interpretacje dziejów narodowych w historiografii i debacie publicznej na Ukrainie 1991-2004*, Instytut Studiów Politycznych PAN, Warszawa 2007, s. 96-99, 112-116, 123-127; M. Affek, *Ukraiński polonofil czy polonofob*, <<http://www.prawica.net/opinie/22004>> (24 II 2014).

## Диагноз

Прежде всего нужно понять тот факт, что с точки зрения Третьей Республики, почти спустя семь десятилетий существует социально-исторический разрыв между Польшей и Львовом. Последние львовяне в 2014 г. — уже совсем старики, сентиментально вспоминаящие свое детство, а их внуки и правнуки уже не обладают «сознанием кресов». Сегодняшний Львов для Польши — уже попросту чужой город, где присутствие польскости вызывает удивление. Кроме того, в 1945 г. там перестал существовать весомый культурный центр, который затем нашел пристанище в послевоенном Вроцлаве. Антипольская кампания ООН-УПА во время Второй мировой войны и депортации по ее завершении привели к тому, что Польша утратила на этой территории свою социальную, демографическую и религиозную базу. В западных регионах Украины сохранились лишь небольшие польские общины, единственным объединяющим фактором которых является католичество. Парадокс польского меньшинства заключается в том, что самые крупные места его локализации — это Житомирщина и Подолье, то есть районы, которые не принадлежали прежней Второй Республике. Кстати, похожая ситуация сложилась в Польше в случае с немецкой общиной: она плотно проживает в Ополе, то есть на значительном расстоянии от современной немецкой границы.

В Европе со времени хельсинских договоров (1979 г.) принят принцип нерушимости границ, образовавшихся после Второй мировой войны. Также юридически запрещено использовать военную силу для их изменения. В этой ситуации присвоение территории требует согласия всех заинтересованных государств. В противном же случае — применение силы открывает в Европе ящик Пандоры. Если Польша будет оспаривать границы Украины и ожидать возвращения Львова, то Германия сможет действовать подобным образом по отношению к своей восточной границе. Таким образом, получается система сообщающихся сосудов. Но если речь уже зашла о политической фантастике, то пойдём дальше: что же даст Польше отторжение Львова от Украины?

Что было бы, если... ?

Итак, представим, что такой процесс может осуществиться. Его могут обусловить и определить два варианта: силовой и мирный. Они определяют два типа прогнозов, которые в обоих случаях будут означать распад современного украинского государства.

### Мирный вариант

В случае мирного развития событий можем предположить, что Польша вступает во владение значительной частью так называемой Западной Украины. В такой ситуации произойдет реконфигурация сил во всем регионе. Учитывая позитивное отношение к этому потенциальных властей Западной Украины,

следует обратить внимание на реакцию, по меньшей мере, Белоруссии, Европейского Союза, России, США и НАТО.

В случае Белоруссии можно было бы ожидать радикального ухудшения (и без того на данный момент напряженных) двухсторонних отношений с Минском. Нынешняя власть на Свислоче неодобрительно смотрит на польскую восточную политику в рамках даже так называемого Восточного Партнерства, постоянно обвиняет Варшаву в стремлении доминировать и влиять на внутреннюю политику Белоруссии. Кроме того, это государство столкнулось бы с проблемой лояльности польского меньшинства (и потенциальным ирредентизмом, вызванным оспариванием пост-ялтинского порядка), которое по большей части проживает в Гродненском районе. В случае аннексии территорий эти обвинения получили бы прочную основу, а сам Минск мог бы почувствовать себя обойденным, по крайней мере, в географическом отношении. Границы проблем с Польшей расширились бы, однако эти трения не имели бы большего значения, кроме политического.

Другой стороной, которой бы коснулись эти изменения, стал бы, конечно, Европейский союз. В таком контексте реакции последовали бы различные. Позиция Польши рассматривалась бы как укрепление собственного положения за счет других стран ЕС и как нарушение статус-кво. Возможный ответ на польскую политику вызвал бы споры, а Варшаву бы массово обвинили в попытке искусственного повышения своей значимости в Европе, не только политического, но и экономического. Ответ, который наверняка тогда постарался бы ударить по единству союза, трактовался бы как попытка вытянуть большие деньги из общего бюджета. Этим аргументом в первую очередь воспользовались бы крупные государства ЕС — Франция и Великобритания. Единственной эффективной линией обороны Польши могло бы стать акцентирование на цивилизационной миссии ее действий в направлении пропаганды идеологии ЕС и прав человека в противовес российской агрессивной политике. Реализация этой идеи имела бы успех только в случае ее приветствия среди западноукраинского населения. В противном случае свежее испеченные западноукраинские граждане ЕС могли бы воспользоваться не только легкими способами, известными из аналогичных успехов хотя бы российского меньшинства балтийских стран, но также и дискредитивными методами, которые было бы очень сложно защищать, если даже невозможно. Движимая этими действиями симпатия к «храбрым украинцам», страдающим от польского имперского сапога на деле разрушила бы относительно стабильное положение Польши на европейской арене в очень короткое время со всеми вытекающими последствиями, в том числе глобального масштаба.

Россия потенциально также не была бы удовлетворена таким поворотом событий, хотя ее действия были бы сильно зависимы как от польской риторики, так и от характера польской реституционной политики. В случае ожидаемых

просчетов со стороны Варшавы Москва наверняка бы со временем начала поддерживать угнетенных украинцев, их центробежные тенденции, и не только. Вдобавок к этому Польше грозило бы «наползающее» блокирование российского рынка для польских товаров в ответ на почти каждое, не угодное Кремлю решение.

Ответ на действия России, конечно, был бы связан с США. Со стороны Вашингтона можно было бы ожидать поддержки польских властей. Территориальные устремления Польши стали бы поводом для более тесного сотрудничества, даже вплоть до поддержки, оказываемой Израилю на Ближнем Востоке. Надо заметить, что подобные действия Польши не выгодны ни для одного из ее соседей, но выгодны США, которые нашли бы безоговорочного союзника в этом регионе, подобно Марокко в Северной Африке.

В этом контексте в конце остается само отношение украинцев — новых граждан польского государства. Прежде всего, как отметил Дмитрий Табачник, мы берем на себя территорию со всеми благами инвентаризации. Ну ладно! А что дальше — если наши территориальные претензии ограничатся только минимумом: линией Керзона. В результате мы приняли бы около 2 млн. жителей Украины. Теоретически это компенсировало бы демографический спад в результате отъезда из Польши около 2-2,5 млн. поляков на заработки в 2004-2014 гг. С другой стороны, это была бы общность, обладающая совершенно четким национальным самосознанием и государственными традициями, которая не была бы склонна принять новый статус-кво. И вот у нас готовые ирреденты. Для знакомых с историей здесь можно привести в пример террористическую деятельность ОУН. Для других подойдет пример палестинцев и Израиля. Тогда сценариев было бы несколько — можно было бы просто выселить украинское население с этой территории. Только вот куда и за какую цену? Пример Палестины является хорошим предупреждением, что такие конфликты могут длиться десятилетиями. В качестве альтернативы можно расширить колонизацию, и взамен за лояльность государству гарантировать определенные привилегии. Только поляки уже совершали подобное в своей истории — с посредственным успехом. Вдобавок — давайте смотреть правде в глаза — кто из поляков решится на переезд на восстановленные земли, если государство чувствует демографический дефицит, а на восточной стене наблюдается постепенное сокращение численности населения. Кто переедет в город, где инфраструктура устарела?

К тому же экономический расчет показывает, что Польше пришлось бы потратить на эти земли миллиарды злотых, которых в бюджете нет. Также геополитические условия не принуждают к приобретению Львова — этот город уже на фоне современных вооруженных конфликтов потерял свой статус пограничной крепости. Гораздо лучшим сценарием выглядит создание «стратегической глубины» на примере Турции, которая предполагает, что основой ее безопасности являются



хорошие, взаимовыгодные отношения с соседними странами. Третьей Республике не нужен постоянный конфликт с Украиной (во имя чего — «старых демонов истории»?), а нужно обезопасить восточные границы. Во имя какой выгоды?

Поставим здесь чисто теоретический вопрос: как отреагировала бы Польша, если бы Украина, основываясь на евразийской ориентации, приняла возможность исторического возвращения Львова? Победителем стали бы политический романтизм и исторический ревизионизм или верх взяли бы Realpolitik и принцип нерушимости границ во имя создания зоны безопасности на Востоке? Эту ситуацию можно было бы сравнить с потенциальной попыткой вернуть в данный момент Вроцлав в состав ФРГ. Сценарий польского ответа был бы аналогичен украинскому на попытку возвращения Львова.

### **Силовой вариант**

Еще один вариант включения этих земель — силовой. Очень многое, к сожалению, указывает на то, что реституция Львова не удастся без применения силы. Кроме того, полонизация Восточных Кресов Польшей уже имела место в годах 1936-1939 гг., когда это вызвало движение сельского дворянства. Эффект ее был прямо противоположный — в преддверии войны национальный антагонизм обострился до такой степени, что «Польско-украинские известия» предостерегали от «нового хмельницизма». Единственным сценарием с применением вооруженных сил, который учел бы международную обстановку, мог бы иметь стабилизирующий характер, подобно привлечению сил НАТО в Афганистане. Но все же он мог бы повлечь еще более тяжелые последствия. На Украине с легкостью и быстро вернулась бы к жизни черная легенда о «польских панах», мечтающих уничтожить украинский народ. Надо подчеркнуть, что такого рода акция может осуществляться, прежде всего, в рамках широкой военной договоренности между многими государствами. Военный потенциал Польши слишком мал для выполнения в одиночку оккупации такой крупной территории. В эту игру могли бы вступить силы НАТО, либо созданные специально для этой цели вооруженные силы ЕС. Война объединяет участников коалиции, следовательно, экономические последствия таких событий не были бы столь разрушительными, как в описанном выше варианте, но только для западной стороны. Со стороны России можно было бы ожидать действий в виде многочисленных эмбарго, а затем открытого привлечения России на противоположную сторону. Реализация такого сценария грозит, в конце концов, жесткой войной в самом центре Восточной Европы. И необходимо сказать, что подобный конфликт затронул бы не только границы Польши, но перенесся и на ее территорию.

## **Выводы**

Как мы видим, ни один из вариантов включения Западной Украины не может закончиться для Польши положительно. Значит, его следует просто исключить. Следует также подчеркнуть, что ни один ответственный польский политик не будет говорить о таком сценарии. Сантименты по отношению к возврату украинских земель существовали, и будут существовать, наверное, всегда. Однако в сфере практики они занимают небольшое количество людей, к счастью, малозначимых. В целом они больше напоминают мечты о создании философского камня, нежели какие-то действительные планы....